«Мы молоды. У нас чулки со штопками. Нам трудно. Это молодость виной…»

С юных лет Римма как человек деятельный, увлекающийся много читала, обладала хорошей памятью и умела задавать вопросы, как себе, чтобы «во всём дойти до самой сути», так и преподавателям, особенно на семинарах. Её активный характер и любознательный ум не смирялись с однозначными оценками событий и роли выдающихся личностей в истории. И всё же Римму нельзя назвать диссидентствующей студенткой. Искренняя, активная, внутренне она оставалась более свободной, чем большинство однокурсников. Иногда она ставила преподавателя своими вопросами втупик. Запомнился такой эпизод из её теоретического спора с университетским лектором.

Рассматривали работу Сталина «Экономические проблемы социализма». Казакова задала вопрос: «Какой сейчас период в жизни советского государства?». Преподаватель отвечал: «Второй». Казакова парировала: «Почему второй? Сталин сказал: второй период заканчивается в истории советского государства уничтожением эксплуататорских классов и принятием новой конституции, а это

1936 год. Сейчас – 1952-ой». Преподаватель попытался как-то объяснить: не созрели условия и т.д. Он явно «выкручивался» – ещё не поступило указаний сверху, как этот период трактовать.

Римму интересовала война против фашизма в Испании и роль в ней интернациональных бригад. Официальных сведений про эти события невозможно было найти, и она также задавала «неудобные» вопросы. Накануне поступления Риммы в университет в 1948 году профессорский состав подвергся чистке под предлогом борьбы с космополитизмом. Оставшиеся преподаватели были напуганы, об интеллектуальной свободе пока можно было только мечтать – для основной массы преподавателей и студентов не существовало даже такого понятия. Ещё раньше – на втором курсе – преподаватель философии А.А. Шеин рекомендовал комсоргу группы Томасу Колесниченко: «Ты пригляди за Казаковой. Взгляды у неё не те».

К пятому курсу поведение Риммы изменилось, она стала осторожнее. Очевидно, с нею «побеседовали». К тому же на комсомольском собрании кто-то из выступающих явно намекнул на неё: «Некоторые студенты вопросами и высказываниями льют воду на мельницу американского империализма». Римма Фёдоровна вспоминала уже в 1990-е годы: «Как не исключили и не упекли в места не столь отдалённые... умненького дотошного мальчика Севу Шкаратана (однокурсника Риммы, ставшего учёным – *Т.В., Л. З.*), посмевшего оспаривать книгу о мюридизме Шамиля Багирова, сподвижника Берии. Проглядели».

Вспомнился ещё один неординарный поступок Риммы. Она заинтересовалась трудами Энгельса о роли военного искусства в истории и решила: для более глубокого понимания всех этих проблем и их связи с современностью ей необходимо заниматься на кафедре военного дела, занятия на которой входили в программу обучения только для юношей. Римма добилась разрешения слушать лекции на военной кафедре и заниматься военной подготовкой. Её неуёмная любознательность натолкнулась на нетерпимость полковника, вёдущего строевую подготовку и не терпевшего женщин в строю. Занятия по строевой подготовке начинались с переклички: Сидоров, Иванов, Петров... Каждый делал шаг вперёд и отвечал: «Я!». В конце списка прозвучало: «Казаков!» В ответ – тишина. Военрук повторил ещё более свирепо: «Казаков!». Опять ничего. Тогда последовали сквозь зубы непечатные тексты – и далее, наконец-то, её фамилия: «Казакова!». Римма бодренько делала шаг вперёд и громко отвечала:

«Я!». Полковник сдался. По-видимому, в послевоенной истории университета Казакова – единственная девушка, занимавшаяся целый семестр на военной кафедре и сдавшая зачёт.

Ещё одна смешная история – выразительный штрих к портрету Риммы в те далёкие годы. На третьем курсе девушки впервые решили встречать новый год в компании однокурсников на квартире Гали Власовой – её родители уехали и разрешили дочери собрать друзей. Сложились по три рубля, добыли кое-какие продукты, немного вина и стали решать с Риммой, в чём встречать этот праздник. С одеждой у подруг плоховато. Выручила мама Риммы – Софья Александровна. Она дала девушкам по длинному вечернему платью, привезённому из Германии, где после войны жила семья Казаковых. В то время эти платья казались «царской» одеждой. Конечно, с помощью иголки и ниток подруги кое-что подправили, но, как ни странно, платья подошли и по размеру, и по росту. Далее события развивались непредсказуемо. Интуиция подсказывала Римме: к таким платьям нужны другие причёски, а не привычные косички. Накануне праздника она приехала в общежитие, печальная и в странном платочке на голове. Таисия спросила: «В чём дело?». «Идти на встречу нового года не могу», – грустно отвечала Римма и сняла платок. На голове во все стороны торчали её непослушные волосы. Кос нет. Подруга сдержала смех, боясь обидеть Римму, зная её ранимость, а затем взяла ножницы и в знак солидарности с близким человеком в трудную минуту, подойдя к зеркалу, безжалостно откромсала собственные косы. Тут расхохоталась Казакова. Просто заржала от восторга. Косиц жалко. Чтобы продлить «спектакль» и показать – подумаешь – косы! ничего особенного! – повела Римму в соседнюю комнату, где жила их сокурсница Света Зорина с золотистыми косами. Подруги уговорили и Свету совершить варварское «обрезание» её роскошных кос. Теперь у всех троих на голове творилось что-то невообразимое – волосы торчали в разные стороны. Понятно: их надо помыть, как-то уложить, но это не особенно улучшило внешний вид девушек. В парикмахерские они тогда не ходили, про бигуди не знали. Надо соорудить хоть какую-то причёску. Неизвестно, расстроилась ли Света, но, видимо, от безысходности громко смеялись все трое. Поехали к Римме домой и придумали: сделать завивку на большие гвозди. Они грели на газовой плите длинные гвозди и крутили лохмы, хотя бы по бокам головы, чтобы «усмирить» непокорные, плохо остриженные волосы. Им казалось: эти причёски больше подходили к дивным платьям. Жаль, тогда не удалось

сфотографироваться. Но девушки имели успех у мальчиков. В ту новогоднюю ночь подруги получили от ухажёров серьёзные предложения – «встречаться».

«Начало дороги, и много, и мало…»

После новогоднего праздника подруги готовились к зимней сессии у Риммы дома. Отец её лежал в больнице, и подруга осталась ночевать. Полночи учили билеты по конспектам. Часа в три ночи Римма предложила отдохнуть и пообещала показать кое-что интересное. Она достала письмо Константина Симонова, обращённое к ней. Писатель Симонов тогда среди студенчества – личность популярная, а в университете особенно – этому способствовала встреча с поэтом. Она прошла в октябре предыдущего года в большом зале главного здания университета, рассчитанного на 800 мест. Попасть туда оказалось почти невозможно. Тянули билеты, Римме достался входной, Тая за неё порадовалась, но мечтала тоже как-то проникнуть на эту встречу. Удивительно, но ей это удалось самым простым способом. Тая понимала: через центральный вход со стороны Менделеевской улицы в зал пробраться невозможно. Там стояла толпа жаждущих. Но со стороны набережной, откуда в здание входили преподаватели, можно попробовать.

Подруга встала рядом со входом для преподавателей и стала ждать. Вскоре подъехала машина, из неё вышел Симонов в сопровождении какого-то мужчины. Таисия сразу решилась к нему обратиться: «Здравствуйте, Константин Михайлович!». Поэт с удивлением спросил: «Вы меня ждёте?» Она отвечала: «С радостью и нетерпением». Симонов предложил: «Тогда ведите». Девушка призналась: у неё нет билета, а поэт успокоил – это не проблема. Зашли в здание: им навстречу толпа организаторов мероприятия: гостя ждали с парадного входа, а он прибыл с бокового. Организаторы вопросительно посмотрели на девушку, Симонов пояснил: «Это со мной». Она не просто прошла в зал, её усадили рядом со сценой. После окончания замечательной встречи – на ней поэт великолепно, с характерной «картавинкой» читал стихи – подруга рассказала удивлённой Римме, как попала в зал.

Воспоминания о встрече с К.М. Симоновым ещё были свежи, и вдруг Римма показывает письмо, написанное рукой поэта. Наступило время удивляться подруге. Римма рассказала: встреча, на которую Тая так ловко проникла, через какое-то время подвигла её послать К. Симонову подборку своих стихов – узнать его мне-

ние. Константин Михайлович одобрил поэтические опыты студентки, посоветовав не бросать сочинение стихов, отметил: уже в этих текстах заметен талант и надо продолжать работать.

Сокурсники знали: Римма сочиняет стихи, и многие произведения любимых поэтов помнит наизусть. Иногда её просили написать что-нибудь в рифму в факультетскую газету «Историк», и она это делала. Эти тексты нравились однокурсникам. Это выделяло её из среды сверстников и вызывало уважение. Но послать стихи Симонову!? Этот смелый поступок вызвал у подруги удивление и восхищение. Всякая сонливость исчезла, и они до утра проговорили об этом событии, строя воздушные замки, мечтая о будущем Риммы и ещё до конца не веря: неужели она и в самом деле поэт?

В рецензии ленинградского поэта Ильи Фонякова «Бригантина поднимает паруса» автор вспоминает эпизод: студентка исторического факультета Р. Казакова однажды пришла на «многолюдное шумное литобъединение филологов университета». «Я решилась как-то пойти на одну из литературных “сред” или “пятниц”, да так и просидела молча весь вечер, – объясняет своё поведение Римма, – ошеломлённая эрудицией и авторитетностью ораторов. Больше не пошла». Фоняков свидетельствует: «Когда прочитали её первые стихи в 1958 году и аннотацию, что она ленинградка, живёт на Дальнем Востоке, члены литобъединения были озадачены: “Как же это мы не знали, как проглядели её в недавние годы?” Случай с Риммой Казаковой подтверждает, что молодому таланту не всегда нужна среда, атмосфера профессиональных споров и баталий. Всё зависит от склада таланта».

«Мой первый букварь в настоящем труде…»

В летние каникулы студенты-историки ездили на стройки на полтора – два месяца в Карелию, где голубые озёра смотрели в небо, как глаза земли. Природа этого края восхищала молодых ленинградцев. Так начинались первые в стране добровольные студенческие строительные отряды. Ребята работали за еду, денег не получали. Комитет комсомола освобождал от участия в таком отряде только по уважительной причине. Римма участвовала во всех летних работах, а её подруге после третьего курса дали освобождение по состоянию здоровья. Студенты строили деревянные коровники, свинарники и другие подсобные помещения. В присоединённой после войны Карелии создавались колхозы и уничтожались фермерские (кулацкие, как тогда говорили) хозяй-

ства. Многие студенты любили ездить в стройотряды, хотя быт во время сезонных работ оказывался примитивным, но тогдашняя молодёжь – дети войны, привыкшие к бытовым трудностям, – их не замечали. Мылись в озёрах, спали в сараях на соломе, застелённой вотолами (ткаными крестьянскими покрывалами), варили еду в общих котлах, ели из солдатских мисок, но жили дружно и весело. Римма рассказывала: «Ещё в юности я освоила несколько профессий. Была и землекопом, и кровельщицей, и каменщицей, и даже – лесорубом. Лес валила. Я знаю, как свалить дерево, чтобы оно на тебя не упало и не придавило тебя». Позже, уже в Хабаровске, она написала «гимн» топору: *«У меня в руке именной топор. / Он, как нож перочинный,/ как бритва остёр. / Его гнутая ручка легка и тверда. / Я смотрю на него – и по-детски горда»*. На ручке этого топора блестят именные буквы «Р.К.» Конечно, топор – это символ. Для автора главное высказать через этот предмет (стихотворение так и называется «Топор») своё отношение к жизни. *«Я им сделала много чудесных дел. / Он – мой первый букварь в настоящем труде»*.

Студенты на комсомольских стройках многому учились. Таисию, например, научили запрягать кобылу по кличке Роза. Именно на ней подвозили доски, инструмент, еду – всё, необходимое для работы. Римма даже написала прощальную песню, начинавшуюся словами: *«Прощай, прощай, кобыла Роза …»*

Отец привёз с войны маленький аккордеончик, с ним Римма приезжала на каждую стройку. «Я играла на нём, была такой “первый парень на деревне!” С ним она участвовала в концертах – их студенты устраивали для сельских жителей. Особенно они любили вечером, после трудового дня, посидеть у костра и попеть военные песни под Риммин аккомпанемент. «И вообще я во всём была первая и очень активная, и сознательная, воспитанная в советском духе. У меня всегда было такое ощущение, что если я чего-то не сделаю, то почему это должен делать кто-то другой. Если нужно кому-то сделать шаг вперёд, чтобы пойти туда, где трудно, то я обязательно сделаю этот шаг».

Кроме ежегодных строительных отрядов, Василеостровский райком комсомола давал разнарядку на выделение студентов для работы летом в пионерских лагерях. Молодым людям это не нравилось и приходилось тянуть жребий, кто поедет в пионерский лагерь. После второго курса такой жребий выпал Римме Казаковой. С неохотой подчиняясь комсомольской дисциплине, взяв аккордеончик, она отправилась в пионерский лагерь под Ленин-

град. Но спустя девять дней, во время которых студенты –строители жили и работали в одном из колхозов Карелии, во время традиционных вечерних посиделок у костра они вдруг видят: по полю бредёт Римма и волочит за собой по траве на ремне аккордеон. По её унылому виду чувствуется – что-то произошло. Подбежали с расспросами: «Что случилось?». Она подошла к костру, села на бревно и печально проговорила: «Ребята! Меня выгонят из комсомола, а значит, и из университета». В то время действительно одно следовало за другим. И она рассказала историю, грозившую ей серьёзными неприятностями. В пионерском лагере её назначили вожатой в отряд, состоявшийся из 12-ти –13-атилетних мальчишек, а те никак не хотели жить по расписанию и подчиняться вожатой. «Мне достались старшие мальчишки – головорезы, – объясняла Римма. – Управиться с ними невозможно. Чего только ни делала: анекдоты рассказывала, стихи читала, на аккордеоне играла, пела! А они купались, сколько хотели, шлялись по ночам к девчонкам из старшего отряда, удирали в мёртвый час, нарушали режим, орали, как резаные, в самое неурочное время». Римме – вожатой, не умеющей увлечь ребят интересными делами и наладить дисциплину, на ежедневных планёрках постоянно доставалось. И она решилась на отчаянный шаг. После завтрака, прихватив аккордеон, она увела сорванцов в лес и стала петь им революционные песни (она любила петь и знала много таких песен), но мальчишки как-то вяло на них отзывались. Тогда она рискнула исполнить для них одесский шансон и сразу имела большой успех: ребята попросили разучить с ними хотя бы пару таких озорных весёлых песен. Так Римма Фёдоровна стала для них признанным авторитетом. Из леса возвращались друзьями. Дисциплина налаживалась. Но дня через два – три, идя строем по территории, ребята рванули «Мурку». Руководство лагеря переполошилось: «Откуда это тлетворное влияние»? Учинили детям допрос и выяснили: они разучили и другие песни с Риммой Федоровной. Её вызвали на ковёр, дали выговор за антипедагогические методы воспитания, отстранили от работы, а персональное дело передали в райком комсомола. В назидание старшая пионервожатая отметила главную ошибку её воспитательного метода: «Она хотела, чтобы дети любили её, а надо, чтобы они любили маму и папу, а вожатую просто слушались и подчинялись».

Однокурсники, конечно, посмеялись над её неудачным воспитательным опытом. Кое-как успокоили виновницу, попели с ней «запрещённые» песни, но понимали – дело может кончиться

плохо. Руководитель стройотряда, секретарь комитета комсомола факультета Коля Сергеев выехал в райком и сумел это дело спустить на тормозах.

В 2005 году на праздновании юбилея нашего однокурсника В.Ф. Ли, теперь уже доктора наук, профессора Академии Министерства иностранных дел, Римма подарила ему стихи о нашей жизни на истфаке университета, об участии в летних стройотрядах, о весёлых посиделках у костра, о дорогих воспоминаниях юности. Стихи назывались «Нам очень много дал истфак». Эти стихи, и другие, написанные к юбилеям друзей, она не публиковала, но мы обнаружили черновик в её архиве.

«Откликаться на чужую боль…»

После зимних каникул на третьем курсе в конце февраля Тая попала в больницу с приступом острого аппендицита. Эта история показала: Римма умела быть преданным другом уже в те далёкие годы юности. Энергичными действиями она спасла подругу от гибели. В центре города, на улице Крупской, в старинном особняке, приспособленным под клинику, подруге сделали несложную операцию – удалили аппендицит. Опытный военный хирург – женщина; больная под местным наркозом во время операции даже пыталась с ней шутить. После успешной операции подругу поместили в палату, и она, избавившись от боли, мечтала к 8 марта выйти из больницы, хотя что-то смущало хирурга. Каждый вечер медсестра измеряла температуру, повышавшуюся у девушки по вечерам до 37,2; 37,4. Тая по дурости и из лихачества не только стряхивала градусник, но ещё и скрывала эту пустяковую температурку. 7 марта после врачебного обхода её выписали. Она вышла на улицу, голова кружилась, а навстречу идут однокурсницы: Римма, Таня Лягина и Галя Власова и несут торт – поздравить подругу с праздником. Тая казалась очень бледной. Девушки поймали такси и отвезли её в общежитие. Уложили в кровать, напоили чаем, посидели около неё, она задремала, и девочки уехали домой. Ночью Тая потеряла сознание, соседки по общежитию вызвали «скорую помощь», и больную увезли на окраину города в Мечниковскую больницу – базу обучения студентов медицинского института. Утром приехала Римма и, увидев бедственное положение подруги, пошла к врачу, разъяснившему ситуацию: у больной – обширный перитонит, она – в тяжёлом состоянии, и ей поможет только пенициллин, но его нет в больнице. Попытаются

достать, но время дорого. Оказалось, врач, делавшая операцию, оставила в ране кусок марли. Больная всё время в бреду, и невозможно выяснить, кто и где это сделал. Римма поехала в больницу, откуда подругу недавно выписали, пошла на приём к хирургу, её оперировавшему. Неизвестно, что и как она говорила врачу, но на следующее утро эта немолодая женщина привезла в Мечниковскую больницу пакет флакончиков пенициллина. Врач навестила больную, утешала её и подтвердила: если понадобится, она ещё добудет дефицитное в то время лекарство.

Во второй половине дня после занятий у кровати подруги уже сидела Римма. Это обстоятельство удивило больную – в больнице карантин: эпидемии простуд в городе, посетителей не пускают. Римма шёпотом объяснила: она зашла к студентам-медикам, взяла у них халат, шапочку, чей-то пропуск и благополучно проникла в палату. Несмотря на добытое подругой лекарство, Тая пролежала в больнице долго; один карантин следовал за другим, но Римма и сокурсницы навещали больную под видом практикующихся студентов мединститута. Вышла подруга из больницы только в середине июня. В университете – экзамены. Тая похудела, ослабела, и ей перенесли сессию на сентябрь. Понимая, как трудно в таком состоянии жить в общежитии, однокурсница Таи Таня Лягина, дочь знаменитого разведчика, погибшего в войну, поселила Таисию к своей тёте Ане – она жила вместе с племянницей на улице Пестеля. Эти добрые люди помогли Тае окрепнуть и приготовиться к экзаменам.

Римма вместе с однокурсниками уехала на очередную стройку, а подруга осталась читать конспекты и готовиться к сессии – её предстояло сдавать уже во второй половине августа. В августе, вернувшись со стройки из Карелии, Римма помогала подруге подготовиться к экзаменам. Благодаря её помощи, Тая успешно сдала сессию и не отстала от курса.

«Смерть вождя, сомнения, загадки....»

В марте 1953 года умер И.В. Сталин. Ленинградские студенты хлынули на Московский вокзал, торопясь в Москву на похороны любимого вождя. Отчаянно стремились в столицу и подруги, с трудом нашедшие деньги на билеты. Их дали друзья – однокурсники из Чехословакии. У Риммы уже тогда был принцип: «Главное – правда слова и жеста». В те годы в университете учились сотни ребят из стран народной демократии; на историческом факультете – не меньше пятидесяти человек. Приехав на вокзал,

подруги напрасно штурмовали кассы. Народу вокруг – море. Римма предложила: «Давай позвоним отцу! Он может достать билеты через воинскую кассу». Так и сделали. Отец строго скомандовал: «Ждите на вокзале, сейчас пришлю машину, шофер привезёт вас ко мне, а там решим».

Девушек доставили к нему в кабинет, где он их отругал и не пустил на похороны. Римма вспоминала: «Ночью я услышала, как он плачет. До этого на моей памяти он плакал один раз, когда меня и младшего брата увозили в эвакуацию из-под артобстрела из Ленинграда осенью 1941 году. Я прислушалась, скомкав газету с правительственным сообщением о смерти Сталина. Из комнаты родителей доносились рыдания. Отец плакал, матерился и снова всхлипывал. Потом я различила: "Соня! Подох, мать его...". Для меня это было открытием и потрясением. Но на следующее утро я записала в своём дневнике: "У нас большое горе. Умер родной и любимый, гениальный и прекрасный И.В. Сталин". Мои глаза не открылись. Потом отец начал стареть, сдавать, наступила расплата за тяжёлую жизнь – в казармах и в окопах, под тяжким духовным прессом».

Несколько сокурсников всё же попали на похороны, прошли этот трудный путь, некоторые получили травмы, потеряли обувь, не все дошли до Колонного зала, но, слава Богу, остались живы. Только с близкими друзьями однокурсники обсуждали смерть вождя и события в стране. Судьбы родителей научили молодых людей осторожности. Освобождение от культа личности началось позднее, когда выпускники исторического факультета Ленинградского университета уже работали и жили в других условиях.

В середине учебного года пятикурсницу – Риммину подругу – пригласили в деканат для беседы. Немолодой мужчина, одетый в военный китель, побеседовал с девушкой и рекомендовал: после окончания университета она должна поехать работать по распределению в один из новых городов Урала в системе Министерства среднего машиностроения. Выпускница понятия не имела, что это за место и что её там ждёт, но согласилась. Её попросили никому об этом не говорить. Но она, конечно, рассказала этот «секрет» Римме, всерьёз расстроившейся: «А как же я? Я хочу вместе с тобой». Попытались поговорить с этим мужчиной в кителе, но он отказал: там нужен только один специалист–историк. В 1974 году Римма прислала из Москвы очередную книжку стихов «Помню» с надписью: «Тае с любовью и напоминанием о той длинной дороге, которую мы прошли, но задумывали вместе». Не сложилось. Несмотря на расстояния, часто и на долгие годы разделявшие под-

руг, они эту дорогу всё-таки прошли вместе: не предали дружбу, мечты юности, – *«в честный труд вложить всю душу»*. Подруги остались навсегда духовно близкими людьми. За это судьба подарила им спустя десятилетия возможность жить и общаться в течение пятнадцати лет в одном городе – Москве.

«Искала судьбы для себя беспокойной…»

В преддверии защиты дипломов в конце мая 1954 года Римма попросила направить её на Дальний Восток. Было две путёвки в эти далекие и таинственные края, и она вместе с сокурсницей Асей Кузнецовой смело приняла решение – ехать. Кроме них, из всей группы в Сибирь никто не поехал. Когда Римма уже жила в Москве, кто-то из журналистов спросил её, зачем она добровольно уехала в такую даль, обрекая себя на трудный быт, сложную работу и оставляла стареющих родителей. Она так пояснила свою позицию: «Родина дала мне бесплатное образование, и надо было вернуть долг – отработать два года. У меня была рекомендация в аспирантуру Института истории Латинской Америки, но я хотела уехать. Мне предлагали Нарву, но я отказалась. Интуиция подсказывала мне, что ехать надо на Дальний Восток, и я её послушала. Я хотела в живую жизнь, я хотела понять, что такое эта жизнь. Я хотела с теми, кто “вышел строить и месть в сплошной лихорадке буден”, я хотела с Отечеством». Римма вспоминала: «На протяжении всей своей жизни я пыталась понять: что я такое? Кто я? Это было очень важно для меня». В эти годы юности у неё было такое представление о своём назначении: «Окончить университет, где я приобретала знания, мировоззрение, становилась личностью в пределах, отпущенных природой и определённых собственной волей. Потом поехать в глубинку и в каком-нибудь маленьком населённом пункте работать так, чтобы сбылось, выражаясь словами поэта: “через четыре года здесь будет город-сад!”. Я себе прочила плодотворную партийную работу в благородном советском понимании: для народа, вместе с народом».

Когда определилось, куда она уезжает на работу, подруги стали предполагать: где и кем она будет работать? Скорее всего, в школе, думали они, и это обстоятельство повергало Римму в уныние из-за необычности её имени. Приносило ли ей огорчение необычное имя? «Ещё как приносило. В школе надо мной подшучивали постоянно». Уже позднее, вспоминая, как она поменяла имя, Римма объясняла: «Моё имя приговаривало меня к экстравагант-

ности, а я этого терпеть не могла. Меня раздражало собственное имя. Я и Москву люблю за то, что идя по улице, пропадаю в ней, как иголка в стоге сена. Мне так вольготнее и легче жить».

Однажды в тёплый солнечный день подруги гуляли в Летнем саду Эрмитажа. Римма предложила: «Тай, давай выберем мне имя. Ведь, если меня назначат учителем в школу, дети будут надо мной смеяться, по-всякому его расшифровывать. Достаточно то, что в школе одноклассники звали меня “Электрофикуля”. А что дети придумают, один Бог знает». Подруге нравилось её имя – РЭМО, она к нему привыкла. Друзья придумали фразу: появлялась Рэмо, и кто-нибудь с пафосом декламировал: «Кто к нам пришёл? Молодое, удалое, загорелое Рэмо»! Но она поняла страдания подруги и решила ей помочь. Они сели на скамеечку и стали «примерять» различные имена. Всё – не то, не то! Был предложен игровой вариант: «Встань на скамеечку, будешь называть имя, а я – смотреть, как оно тебе подходит». Идея Римме понравилась. Она забралась на скамейку (в Летнем саду в это время дня – почти пусто). Девушка крутилась, подруги перебрали десятка два имён, но подходящего не нашли. И вдруг их осенило: чего искать – просто взять имя, близкое Рэмо, родные и знакомые быстро привыкнут, без мук и без путаницы. Старосту группы Криницыну звали Римма, и подруги остановились на имени, созвучном тому, какое дали родители. Выбор оказался мудрым. Римма в переводе с испанского означает «рифма» – это они узнали потом, и подивились точности «попадания» в её судьбу: всю жизнь «сражаться» с рифмами. Тая сразу же стала называть подругу Риммой, а всем близким, да и всему курсу они объявили об этом новом имени. Приняли сразу и с удовлетворением. А мама и так всегда звала дочку Римусей. По юридическим законам того времени смена имени – сложная процедура. Римма несколько раз ходила в ЗАГС с заявлением и просьбой сменить имя. В ЗАГСе возражали: «Да, что вы, девушка, у вас – хорошее идейное имя, носите его на здоровье!». Римма объясняла и доказывала – она не может жить с таким экстравагантным именем, которое расшифровывается как ВЛКСМ и КПСС, она едет в Сибирь, на Дальний Восток, и дети в школе будут смеяться. Подругам показалось – в какой-то момент её пожалели и выдали, наконец, паспорт и документы на новое имя: «Римма Фёдоровна Казакова». На это имя она вскоре получила диплом с отличием исторического факультета Ленинградского университета. Римма ходила в ЗАГС много раз, мысль о взятке даже не приходила ей в голову. Тогда это было не принято.

С новыми документами Римма поехала в новую жизнь. «Может быть, я совершила необдуманный поступок, но я оказала себе неоценимую услугу. Уехав из родного дома, я потеряла страх перед дорогой и перед самой жизнью», – так оценивала она позже своё решение.

Разъезжались однокурсники через Москву и нередко из-за нестыковки транспорта останавливались у Томаса Колесниченко. Жил он с семьей в районе трёх вокзалов. Подруга тоже уезжала на Урал через этот гостеприимный и щедрый дом. Отсюда она провожала Римму на вокзал. Расставаясь, плакали, обещали писать друг другу. Римма вспоминала об этом отъезде: «Его дом стал своеобразным "перевалочным пунктом". Он дружелюбно и щедро принимал нас, кормил, поил, оставлял на ночлег, желал доброго пути. Я с подругой Асей, отправляясь в дальневосточную даль, тоже провела в этом доме какое-то время до поездки в Хабаровск. Том жалел меня: "Что ты такое надумала! Ты – талантливая девчонка, и куда тебя несёт? Выйдешь там за школьного учителя, корову купишь, огород заведёшь... Пропадёшь!". Меня его слова ужасно пугали, но путь был выбран. Не пропала».

В стихотворении «Враги» Римма подвела итог любви-дружбе. *«Окончилась юность перроном вокзала / и жёстким итогом: “Мы разные люди”. / Но именно тот, с кем ты яростно спорил, / кто не был с тобою безропотно дружен, / кто в спорах тебе попугаем не вторил./ Он больше других тебе, кажется, нужен».* И в другом стихотворении она говорила о решительном отъезде: *«Диплом и путёвка на дне чемодана./ Транзитный билет. / Место в жёстком вагоне… / Качает вагон, и колёса бормочут: / “На Дальнем Востоке, на Дальнем Востоке…”./ Туда, где недавно совсем на распутье, / искала судьбы для себя беспокойной./ Туда, где живёшь ты в тепле и уюте, / считая меня сожаленья достойной/ за то лишь, что я не желала “устроиться”,/ покончить с романтикой и успокоиться».* Это был её бескомпромиссный ответ первой юношеской любви – Томасу Колесниченко.

Время показало: её путь соответствовал её призванию. На Дальнем Востоке ковался характер этой смелой девушки, и она стала поэтом со своей судьбой, со своей темой в творчестве. Много лет спустя она отвечала на вопросы журналистов, почему уехала после университета на Дальний Восток, коротко и ёмко: «Я подарила себе блестящую юность».

1955 – 1959
«КОРОТЕНЬКОЕ СЛОВО – ДОЛГ – СТАНОВИТСЯ КАК МИР ОГРОМНЫМ»

«Я знаю это побережье. Мне выпала такая честь…»

«Семь лет я работала на Дальнем Востоке, прошла пешком Охотское побережье; знаю Ургал и Малый Хинган, Благовещенск и Николаевск, Курилы и Сахалин, мощный, тигриной масти Амур и ознобно-зелёную Охотскую волну...». В этих восторженно-поэтических строчка – суровая, трудная, но интересная, новая, разнообразная по впечатлениям жизнь. «Не всё и не сразу складывалось так, как мечталось и как оказалось на месте, – вспоминала Римма. – В Хабаровске, куда меня распределили после окончания университета, я сразу же столкнулась с суровой действительностью: мне предлагали работу на станции под Комсомольском-на-Амуре: преподавать четыре часа истории, а остальное – иностранный язык до ставки. Тогда ставка была восемнадцать часов в неделю. И скудно, и скучно. Где мои студенческие мечты? Я

пошла гулять по городу в поисках интересной работы. Увидела объявление: окружной Дом офицеров ищет штатного лектора по естественно-научной пропаганде. Подумала; штатскому лектору и платить надо меньше, чем офицеру. Пошла. Меня взяли. Правда, руководству пришлось обратиться в Министерство просвещения, по линии которого меня распределяли на работу». Ответ пришёл о согласии отпустить Р. Казакову в другое ведомство – в Дом офицеров. «Я приступила к работе лектора. Читала лекции на все темы, которые велело начальство: от международного положения до происхождения жизни на земле. Читала офицерам, но больше всего солдатам гарнизонов, иногда в стройбатах. Солдат, как дочка офицера, выросшая в гарнизоне, я любила. Очень часто, прежде чем выслушать, меня кормили солдатским обедом. А девушка я была бедная, низкооплачиваемая, ходила в одном костюмчике и с белыми пластиковыми бусиками на шее. Работа мне нравилась, и к ней я относилась ответственно». Как лектор общества «Знание» при Хабаровском Доме офицеров она объездила гигантские просторы Охотского побережья, увидела новые города и отдалённые, Богом забытые посёлки, познакомилась с множеством достойных людей, живущих в необычных суровых условиях. Её друзьями стали геологи и строители, рыбаки и солдаты, моряки дальних гарнизонов. Ей открылся новый и совсем другой мир, не похожий на жизнь в Москве и Ленинграде. Её неуёмная любознательность, ответственность в работе, честность в отношениях и романтическая душа выразительно проступали в новых поэтических зарисовках.

На лекции она ездила с рулоном плакатов – схем происхождения человека, и на обратной стороне картонных иллюстраций всё чаще появлялись строчки стихов. «Едешь куда-нибудь на лекцию, – вспоминала она, – и нацарапаешь на том, что под руку попадётся, пришедшее в голову. Тут были и её новые стихи, и стихи Ахмадулиной или Евтушенко, переписанные из какого-нибудь журнала. Ими я восхищалась, но не завидовала. Уже в эти ранние годы обнаружила в себе качество – не завидовать, а радоваться их удачам. Вскоре на меня вышел высокий красавец – поэт Володя Туркин. Он-то и привёл меня в местное отделение Союза писателей». Первые стихи Риммы Казаковой появились в хабаровской периодике в 1955 году, а в 1958 в Хабаровском книжном издательстве вышла первая книга стихов – «Встретимся на Востоке». Римма писала, как жила: неоглядно, стремительно, бурно и бескомпромиссно. Её герои – величественная и суровая природа этого удивительного края, люди, живущие там, их мужество и требовательность друг к

другу, нравственные ценности, подлинные и мнимые. Это стихи о счастье, добытом в борьбе; о чувствах, обогащающих сердце и делающих его восприимчивым ко всему прекрасному на земле. *«Дорогая моя бивуачная жизнь! / Ты трудна. Но я всё до конца отдала / за костёр, за картошку в горячей золе,/ за большие дела. За великое счастье / – ходить по земле»!* Она не скрывала, что трудно «врастала» в новую суровую жизнь: *«Я похожа на землю, /что была в запустенье веками./ Небеса очень туго, / очень трудно ко мне привыкали. / Меня ливнями било. / Меня солнцем насквозь прожигало./ Время тяжестью всей,/ словно войско по мне прошагало». / «А случится беда –/ я шагну, назову своё имя… / Я своя – у своих. / Меня каждое дерево примет»*. Преданность делу, безотказное выполнение трудовых обязанностей, вера в призвание помогали ей стать «своей» в этом суровом краю.

Вскоре в хабаровской прессе появилась рецензия на книгу «Встретимся на Востоке». Автор раскритиковал стихи о любви, безапелляционно заявив: даже ранняя Ахматова писала о любви «целомудреннее». Поэтесса так прокомментировала критические упрёки хабаровской печати: «Это чушь собачья. Я была невинная девочка и только открывала, что такое любовь. Я часто оказывалась в положении жертвенном или печальном. Получала горький, но опыт».

Произошла размолвка с главным редактором журнала «Дальний Восток» – Н.М. Рогалем. Он осуждал лекции, в которых она порой позволяла себе сомневаться, за что её тут же обвинили в ревизионизме. Рогаль напомнил ей: «У тебя папа – военный, коммунист, мама – член партии. Откуда у тебя такие антисоветские взгляды?». В интервью Римма возразила: все эти обвинения – результат того, что она осмеливалась задавать вопросы или высказывать собственные суждения. Например, когда отменили обязательную подписку на государственные займы, она сказала: «Правильно сделали. Когда подписывался какой-нибудь начальник, у него зарплата большая. А когда какой-нибудь работяга, да семья большая, то через этот займ – последние штаны снимали». Беспочвенность обвинений доказывают и стихи Риммы тех лет, пронизанные безоглядной идеализацией революции: *«Она в больших сердцах нуждалась./ Объединяла сотни стран, / как ручеёк из недр рождалась / и превращалась в океан. /…Так пусть меня навеки примет / в свои дружинники она». «Я шагала, как солдат, / часть массовки, часть народа. / Но чертила наугад / путь совсем иного рода»*. Несмотря на официальное приглашение, Римму не пустили в Ки-

тай в 1957 году. Видимо, сыграли роль её независимые взгляды, которые бдительные чиновники тщательно отслеживали.

Молодому лектору дали маленькую комнату за сценой в здании Дома офицеров. До этого она жила вместе с двумя девушками в общежитии школы военных техников. У Риммы появилась подруга Лена Косова, филолог, также окончившая Ленинградский университет. Лена оставила воспоминания об их житье-бытье на Дальнем Востоке: «...жили весело, интересно, зарабатывали прилично, но хотелось не только одеться, но и порадовать родителей, послать им подарки и показать себя вполне самостоятельными». Лена оставила портрет Риммы тех лет: они встретились в Хабаровском Доме офицеров. «Я увидела девушку с чудесными кудрявыми волосами. Беломраморная кожа лица с нежным румянцем. Чёрные глаза чуть-чуть с раскосинкой, живые, пытливые, полные огня. Она была удивительная. С кем-то разговаривая, она смеялась непосредственно». А услышала Лена о Римме раньше, чем увидела: «По всему Хабаровску разнеслась молва. Какая-то девушка, встретив секретаря крайкома комсомола возле административного здания, на улице Карла Маркса – главной улице Хабаровска, – дала ему при свете белого дня звонкую пощечину. Эхо этой пощёчины разнеслось не только по всему Хабаровскому краю, но и достигло Москвы. Этой девушкой была начинающая поэтесса Римма Казакова. Она и впоследствии всегда отстаивала своё доброе имя, своё право на самостоятельные поступки, на свою жизнь». Вскоре девушки стали подругами. Главная их работа – лекторская, от Хабаровского отделения общества «Знание». Они часто выезжали – то вместе, то врозь – в разные районы Приморского края. Римма читала лекции о современном политическом положении СССР и из области естественных наук. Тема одной из лекций – «Происхождение жизни на земле». Лена вспомнила забавный эпизод. Однажды Римма читала лекцию на эту тему в колонии строгого режима. Бывший полицай задал ей вопрос: «А вот бывает так, когда любовью занимаются, так склеиваются?». Находчивая, остроумная Римма, не задумываясь, парировала: «Не знаю. Со мной таких случаев не происходило». Зал с дружным хохотом аплодировал.

Яркие доходчивые выступления (без бумажки) Риммы в разных аудиториях впечатляли слушателей, свидетельствовали о смелости в суждениях вчерашней студентки и её лекторском таланте. В поездках по Приморскому краю она перепробовала самые экзотические способы передвижения: зимой в санной собачьей упряжке – по берегу бегут собаки и тащат лодку с лектором по реке. Она

выступала в Нижне-Амурской области и в городе Николаевске-на-Амуре, на мысе Лазарева и, переправившись через пролив Невельского – восемь километров, на Сахалине. Бывала в Охотске и Находке. Переезжала от одного стойбища к другому на лодках по ледяному Амуру – с него только-только сошёл лёд, забиралась в самые глухие поселения, на транспорте – по полному бездорожью. Бывала в посёлках и стойбищах орочей, нанайцев, нивхов. Она посетила горы Сихотэ- Алиня, тайгу. Экзотика и опасность! Все эти путешествия свидетельствовали о мужестве поэтессы.

Лена вспоминала, как впервые они увидели необычный народ этого края. «Едем вдоль Амура с секретарём райкома. По реке плывёт лодка, в ней сидит мужчина и курит трубку. Женщина идёт по берегу и волоком тащит лодку. Секретарь поздоровался с мужчиной и спросил: «Куда едешь, Иван Семёнович?» – «Жену в больницу везу» – «Так ты же сидишь, как же больная жена тебя везёт?» – «А, мой думает: как дальше жить будем?».

В сборнике стихов «В тайге не плачут», выпущенном Хабаровским издательством в 1965 году, когда Римма жила уже в Москве, она с полным правом утверждала: этот край не для слабых, он – для сильных духом. Работая в этих непростых условиях, наблюдая суровую жизнь, молодая поэтесса менялась сама, становилась другим человеком: *«Тайга строга. / В тайге не плачут / – вдали от самых дорогих. / А если плачут – слёзы прячут, / спокойно помня о других. / В тайге не лгут и не воруют / – нельзя себе и у себя. / В тайге идут. В тайге воюют… / Тайга – ты дом наш. / …. «Грубо, трудно и безоглядно дорога. / Ты не для труса, не для трутня, / ты – для работника, тайга!»*.

Римма вспоминала: «Мои родители любили меня по-своему. Их волновали не мои литературные дела, а моя бытовая жизнь». Посылая им свою первую поэтическую книжку, она сопроводила её письмом с рассказом о себе. Вскоре от отца пришёл строгий ответ: «Дочка, я думал, что ты стала серьёзным человеком, вступила в партию, а ты пишешь, что ты выкрасила волосы хной и ходишь на танцы с этими паразитами офицерами. Я их знаю. И поэтому не советую тебе водиться с ними. Жалко, что ты идёшь не вперёд, а назад. Твой папа Фёдор Казаков». Отец искренне, с пролетарской откровенностью «спустил с холма» дочь и сделал ей отеческое наставление в духе партийной классики.

Бывало ли Римме страшно во время опасных путешествий по тайге и рекам? Конечно. Но сила духа, жизнелюбие, здоровый авантюризм, вера в лучшее давали силы преодолевать трудности

и страх. При тогдашних примитивных средствах передвижения часто возникали ситуации, грозившие гибелью. Так ковался её стойкий и мужественный характер.

Девушки, приехавшие на Дальний Восток из Ленинграда и Киева, постепенно завоёвывали авторитет как лекторы. В 1956 году горком партии Совгавани дал заявку на их лекции. Лена вспоминала: «Нас знали, нас принимали охотно. И в лагерях заключённых, и на всех предприятиях знали: Римма Казакова и Елена Рыбина (по мужу – Косова – *Т.В., Л.З.*) не читают по бумажке, а интересно рассказывают. “Гражданин лектор, – кричали заключённые, – мы вас знаем, ура!” ...Словом, нас любили. Мы были весёлые с юмором. Рассказывали интересно о том, что мы знаем, и делились этими знаниями с людьми, которые нас хотели слушать».

Родилось лирическое стихотворение «Советская гавань». Жизнь здесь суровая и скудная: «Романтика трудного края, неустроенность новостройки...». Но Римма любила эти места и находила для описания их выразительные метафоры: «*А сопки, по-человечьи продрогнув до синевы, / кутают круглые плечи в бурую шаль листвы. / Вот и стоит Совгавань на перекрёстке ветров*». Совгавань *«тоскует о лете, ворча на Татарский пролив…» «Там слов не тратили без толку. / Там честно подчинялись долгу. / Там человек был весь, как есть: / пусть груб, но прям, суров, но нежен… / Я знаю это побережье./ Мне выпала такая честь!»* – так высоко и романтично она оценивала жизнь в этом краю.

На Дальнем Востоке девушки встретили замечательных людей. Некоторые старожилы по-родительски относились к молодым романтикам. С благодарностью они вспоминали Варвару Степановну Милютину, заведующую профсоюзным кабинетом в краевом совете профсоюзов; Ирину Семёновну Савельеву, заведующую краевым обществом «Знание». Эти женщины опекали Римму и Лену, помогали им в житейских делах; «подбрасывали» для заработка дополнительную работу – отредактировать и отпечатать какую-то брошюру. Благодаря этим женщинам, девушки объездили с лекциями огромный край, достойно зарабатывали и нормально жили.

«На Дальнем Востоке мы встретили много замечательных людей. Мы прошли такую жизненную школу, увидели такие места, что иной и за несколько жизней не увидит, – утверждала Лена. – Мы были молоды, вступили в большую жизнь, и это было так прекрасно. Трудности преодолевались, жили мы взахлёб».

Продолжение следует